

КОДЕКС ЧЕСТИ АРМЯНСКОГО ВОИНСТВА (4-5 вв.)

В 2000 г. в ереванском издательстве "Артагерс" вышло в свет исследование историка-международника Армена АЙВАЗЯНА "Кодекс чести армянского воинства (4-5 вв.)". А. Айвазян - автор четырех актуальных монографий: "Ճիւղիւնն ինքնապաշտպանութեան արեւելահայկան զինուորի: Նմանութիւնն ինքնապաշտպանութեան արեւելահայկան զինուորի և ինքնապաշտպանութեան արեւելահայկան զինուորի" (2001, на арм. языке) "История Армении в освещении американской историографии: критический очерк" (1998, на арм. языке), "Урегулирование Карабахского конфликта и стратегическая безопасность Армении" (1998, на арм. языке), "Армянское восстание в 1720-х гг. и угроза геноцидного подавления" (1997, на англ. языке).

Новая работа А. Айвазяна - один из первых подступов к научному исследованию практически не изученной военной истории Армении. С разрешения автора, представляем ее нашему читателю в сокращении и без обширного научного аппарата.

Система ценностей армянского воина

В 384 г. спарпет Манвел Мамиконян на смертном одре, передавая своему сыну Арташиру "власть танутэра и должность полководца-спарапета", наказывал ему: "С радостью прими смерть за Страну Армянскую, подобно твоим храбрым предкам" (Павлос Бузанд, "История Армении", Ереван, 1953, перевод М. Геворкяна, книга 5, гл. 44).

Этот наказ главнокомандующего армянскими армиями -- пожертвовать собой во имя Родины -- по сути был частью идейной, моральной и психологической системы ценностей и кодекса чести армянского воинства.

Сам Манвел Мамиконян руководствовался этим наказом всю свою жизнь. Так, когда он, неизлечимо больной, лежал в постели и вокруг него собрались царь, царица, нахарары, знать, Манвел обнажился и показал им свои многочисленные раны, полученные в битвах за независимость Армении: "Манвел перед всеми ними открыл все свои члены -- обнажил себя и показал свое тело, на котором не было живого места размерами хотя бы с монету, а все оно было покрыто ранами, полученными в боях, так что числом больше пятидесяти шрамов от ран было, даже на детородном органе, который он обнажил и показал всем".

Ту же идею самопожертвования во имя Родины проповедует и Мовсес Хоренаци на протяжении всей своей "Истории Армении". Вот, например, как он повествует о царе-воине Араме: "Муж, любящий страну и Отечество, готовый скорее умереть за Родину, чем видеть чужеродных сынов, попирающих родные пределы, властвующих над его кровными сородичами" (гл. 1,13).

Обратимся вновь в Павлосу Бузанду, который в своей "Истории Армении" так представляет нам личные достоинства и заслуги Мушега Мамиконяна, воплощающие в себе профессиональную систему ценностей армянского воинства (мы пронумеровали семантически значимые отдельные компоненты этого текста. - А. А.):

"Храбрый армянский полководец и спарапет (Мушег) во все дни своей жизни был полон рвения,

- 1) верой и правдой служил всегда и работал для пользы армянской страны и царства армянского. Ночью и днем он был на работе: прилагал все усилия, вел войны, не допускал, чтобы хоть пядь земли была отторгнута от пределов армянской страны. Он жизнь свою положил за армянскую страну

- 2) и отдал бы жизнь свою ради своего доблестного имени,
- 3) ради своих истинных государей,
- 4) ради жителей страны,
- 5) ради христианской веры,
 - 4.1 и 5.1) ради верующих в Бога и крещеного во имя Христа народа, 5.2) ради церквей, 5.3) посвященной им утвари, 5. 4) ради храма во имя христовых мучеников, 5.5) ради служителей Бога,
- 6) ради сестер и братьев,
- 7) близких родственников,
- 8) за верных друзей, вместе с кем он жизнь свою положил за страну, 8.1) и, жизни своей не щадя,
 - 3.1) во все дни своей жизни он работал для истинных своих государей Аршакуни".

Здесь Бузанд фактически перечисляет главные обязательства в отношении государства Армения и армянской нации, принятые на себя армянским воином. Исходя из этих ценнейших сведений, представим себе главные положения кодекса чести армянского воинства в соответствии с указанными Бузандом их важностью и приоритетностью.

1. Верность и беззаветная служба независимому и могучему Армянскому "миру", стране и царству.

2. Сохранение в непорочности рыцарской чести и репутации (доблестного имени) -- при необходимости и ценою жизни.

3. Верность и самоотверженное служение важнейшему институту государственного строя Армении -- царю Армении ("истинным государям" Аршакуни).

4. Верность и самоотверженное служение народу Армении, всем ее жителям без исключения -- независимо от их социального происхождения и положения.

5. Благочестивое отношение к христианской вере и национальной церкви и самоотверженная их защита.

6. Преданность семье.

7. Преданность роду.

8. Верность боевым соратникам, друзьям по оружию.

Сохраненная Павстосом полно и четко профессиональная система ценностей армянского воинства включает в себя самые важные элементы государственной идеологии, провозглашенной, реализуемой и пропагандируемой в Армении времен Аршакуни. **Эти идейные и морально-психологические ценности призваны были воспитывать прежде всего юношей, пополняющих офицерский корпус, в соответствии с исходными целями и традиционным укладом армянской армии, а также обязательствами армянского воина перед Родиной и народом.**

Эти ценности были настолько укоренены в сознании и поведении армянского воинства, что сохранялись в нем неизменными веками. Так, 25 апреля 775 г. армянские воины, вступив возле села Ардзни в неравный бой с шестикратно превосходящими их арабскими силами, вновь продемонстрировали приверженность уже знакомым нам требованиям традиционного кодекса чести армянского воинства. По свидетельству летописца Гевонда, они "ободряли друг друга такими словами: "Умрем храбро за нашу страну и нашу нацию, и пусть глаза наши не увидят попракия и осквернения наших святилищ и мест прославления нашего Господа, пусть прежде встретим мы вражеский меч, а там пусть свершится то, что они пожелают".

Параллели с кодексами чести японских самураев и европейских рыцарей

Упомянутые выше элементы (2-й, 3-й, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й) кодекса чести армянского воинства имеют заметное сходство с элементами, входящими в кодексы чести средневекового европейского рыцарства и японских самураев.

Так, Ямамото Цунетомо в своем труде "Хагакурэ" ("Сокрытое в листве", 1716), представивший и подвергнувший тщательной обработке кодекс чести японских самураев "Бусидо" ("Путь воина"), также отмечает необходимость для воина готовности к самопожертвованию:

"Бусидо -- путь воина -- означает смерть. Когда для выбора имеются два пути, выбирай тот, который ведет к смерти. Не рассуждай! Направь мысль на путь, который ты предпочел, и иди!"

Невольно напрашивается вопрос: "Почему я должен умирать, когда это невыгодно? Почему я должен платить жизнью за ничто?" Это обычные рассуждения себялюбивых людей.

Когда надлежит сделать выбор, не позволяй мыслям о выгоде колебать твой ум. Принимая во внимание, что все мы предпочитаем лучше жить, чем умереть, это предпочтение определяет и наш выбор. Думай об ожидающем тебя бесчестии, когда ты, стремясь к выгоде, вдруг ошибешься. Подумай о жалкой участи человека, который не добился цели и продолжает жить.

Помни, что твоя смерть не роняет твоего достоинства. Смерть не бесчестит...

Выполнение долга должно быть безукоризненным, а твое имя - незапятнанным.

... Самурай обязан отдать своему князю душу и тело; кроме того, он должен быть мудрым, милосердным и мужественным.

Где бы я ни находился -- в глухих ли горах или под землю - в любое время и везде мой долг обязывает меня охранять интересы моего владыки. Это - долг каждого, кто является подданным Набэсима. Это - позвоночник нашей религии, не меняющейся и вечной.

Никогда, в течение всей своей жизни, я не должен иметь собственных суждений о замыслах моего владыки и господина. Не поступать иначе во всю свою жизнь. Даже после смерти я воскресну семь раз, чтобы оградить от несчастий дом моего владыки.

Я даю клятву исполнить четыре задачи:

1. Ни перед чем не отступать при выполнении долга.
2. Быть полезным своему владыке.
3. Быть почтительным к родителям.
4. Быть великим в милосердии".

Особенно примечательно, что кодексы чести армянского воинства эпоха Аршакуни и японских самураев содержат одно и то же требование: честь и верная служба сюзерену, государю дороже жизни. По этому поводу Павстос приводит нам еще несколько свидетельств.

Одно из них относится к случаю, произошедшему в Персии: "В один из этих дней случилось так, что армянский царь Аршак зашел погулять в одну из конюшен персидского царя, а главный конюший персидского царя сидел в конюшне. Увидев царя, он совсем на него не обратил внимания, никакого почета и уважения не оказал, а еще подверг его насмешке и поруганию на персидском языке, сказав: "Царь армян-козлов, поди-ка сядь на этот сноп сена". Услышав эти слова, полководец и спарпет Великой Армении Васак из рода Мамиконянов страшно рассердился и рассвирепел, он обнажил меч, висевший у него

на боку, и ударил им и отсек голову главному конюшему персидского царя тут же на месте, в конюшне, ибо не мог он снести оскорбление, нанесенное его царю; он считал во много раз лучше принять смерть, чем слышать какие-либо оскорбления и бесчестие, нанесенное его государю" (кн. 4, гл. XVI).

Призывы самурая, автора японского "Хагакурэ", не страшиться смерти и хранить в чистоте свою репутацию храбреца почти буквально воспроизводит спарапет Манвел в уже частично приведенном выше наказе:

"Приказал ему быть послушным и покорным царю Аршаку, быть верным, стараться и работать, воевать за армянскую страну. "С радостью прими смерть за страну, подобно твоим храбрым предкам. Ибо, -- сказал он, -- это справедливое и угодное Богу дело, и если так будете поступать, Бог не оставит вас. На земле оставьте имя храброго, а справедливость свою посвятите небу. Не бойтесь вовсе смерти, а уповайте на того, кто создал все и утвердил. Держитесь вдали от коварства, порока и зла, и чистым сердцем и верностью служите господу Богу. Смело умирайте за благочестивую страну Армянскую, ибо это и есть смерть за бога, за его церкви и за верующих, за прирожденных государей этой страны -- за Аршакуни" (кн. 5, гл. XLIV).

Этот фрагмент ясно показывает, с какой искусностью и верой использовали армянские полководцы христианское учение в качестве идеологии в практически не прекращающихся войнах за свободу Армении. **"Смерть за Армению -- это смерть за Бога"**, -- утверждал спарапет Манвел и, безусловно, другие армянские военачальники IV века. Тем самым они создавали необходимую гармонию между кодексом чести армянского воина (в частности, с его главным идейным тезисом о самопожертвовании во имя Родины), сформировавшимся в гораздо более древний период и освященным в неисчислимых сражениях со сравнительно недавно обретенной христианской верой и религиозными чувствами. С той же верой, что смерть за Отечество -- богоугодное дело, армянские воины-христиане сражались и во все последующие века.

Рыцарство в Европе как особое военно-феодалное сословие сформировалось к концу VIII века. Деятельность и социальное значение этого сословия наиболее ярко проявились во время крестовых походов в XI-XIV вв. У рыцарей какого-либо общего узаконенного письменного кодекса чести не существовало, однако на основе их молитв и других сохранившихся текстов специалисты выделяют следующие обязательные требования рыцарского поведения: верность сюзерену, беззаветная храбрость, презрение к трудностям и опасностям, защита христианской церкви и ее служителей, помощь осиротевшим или недужным членам рыцарских родов, щедрость, безупречная жизнь перед Богом и людьми. Нетрудно заметить, что эти требования, как и "Бусидо", частично совпадают с кодексом армянского воина IV-V веков.

Армения-Родина в кодексе чести армянского воинства

Однако самое интересное заключается в том, что 1 и 4 пункты перечня, представляющего систему ценностей армянского воинства, резко отличаются от известных нам европейских и японских военно-феодалных систем ценностей, представляя собой поистине необычную для древности и средневековья иерархию.

Так:

а) согласно первому требованию, первоочередной и главной принятой на себя обязанностью армянского воина было служение царству и "Миру" Армянскому;

б) согласно 4-у требованию, знатный армянский воин, как бы это ни было удивительным, служение и защиту армянскому народу (включая все его классы и сословия) считал более важным и первоочередным, чем выполнение закрепленных в

пунктах с 5-го по 8-й кодекса обязательств перед семьей, родом, боевыми соратниками и даже христианской верой и церковью. Точнее говоря, **семья, род, соратники, церковь - все это входило в понятие армянская нация -- народ. Более того, христиане Армении и армянский народ отождествлялись, а церковь воспринималась как армянская национальная структура.** Как было сказано, системы ценностей японского самурая и европейского рыцаря подобных приоритетов просто не знали.

Еще одна историческая параллель. В соседней Армении Византии патриотические чувства и само слово "родина", как свидетельствует Шарль Диль в книге "Основные проблемы византийской истории", появились лишь в X веке, между тем армянские источники V века свидетельствуют, что уже в те времена и даже значительно раньше в армянской действительности существовало четкое осознание Армении-Родины. Чаще всего понятие родины выражалось терминами "Армянский мир", "Армянская страна", "Армянское царство", но нередко, как и в приведенном выше отрывке из Хоренаци, собственно термином "Родина": "То был муж трудолюбивый и любящий отечество, готовый скорее умереть за родину, чем видеть чужеродных сынов, попирающих родные пределы, и инородных мужей, властвующих над его кровными сородичами" (1, 13).

В сочинении Павстоса есть и другие места, подтверждающие и дополняющие систему ценностей армянского воинства, однако они, в отличие от отдельной главы, посвященной Мушегу Мамиконяну, более лаконичны, кратки и не систематизированы.

На коне, а не в постели

Другой эпизод "Истории Армении" Павстоса хорошо показывает, как тесно переплетены были в армянском воине преданность семье (требование 6-го пункта) и Родине. Описывая душевное состояние армянского войска, покинувшего Армению и разбившего лагерь напротив римского войска у Мцбина, Павстос рассказывает, что армянские воины в момент ожидания своих союзников-персов проявляли крайнее нетерпение и просили у царя Аршака разрешения начать сражение в одиночку. Павстос объясняет это тем, что армянские воины "тяготились праздным сидением и предпочитали умереть, чем пребывать в чужой стране" (кн. 4, гл. 20).

Чуть дальше Павстос объясняет подобное поведение царя Аршака и всего армянского войска национальным характером армян: **"Царь же Аршак и все его войско считали для себя обременительным делать столь длинный путь, ибо каждый из них, по свойственному армянскому человеку обыкновению, истосковался по дому своему"**.

Кодекс чести армянского воинства имел различные ответвления. Отметим два из них. Прежде всего, **нарушение его требований удостаивалось жестокого наказания.** К примеру, схватив предателя Датабена Бзнуни, нахарара и военачальника, **"привели его к великому царю Хосрову и побили его камнями как человека, изменившего своей Родине, гунду и войскам своего государя"** (кн. 3, гл. 8).

И еще один пункт, совпадающий с кодексами европейских и японских рыцарей: **армянское воинство считало гибель на поле боя идеальной смертью.** Так, спарапет Манвел на смертном одре горько плачет и говорит (в этом эпизоде Павстос еще раз приводит перечень приоритетов общественных обязательств армянского воина, в котором на первом месте опять же служение Родине):

"И он заплакал и сказал: "С детства я рос в войнах, мужественно относился ко всем ранам, которые получал, почему же не привелось мне умереть в бою, и я умираю как скотина. Как бы было хорошо, если бы я умер на войне за страну, за то, чтобы не попирались церковь и верующие в Бога. Как бы было хорошо, если б мне было суждено умереть за государей нашей страны, за Аршакуни, за жен и детей, за благочестивых людей, братьев, товарищей и близких друзей. Я очень смело вел себя (в боях), и все же мне было суждено умереть худшей смертью -- лежа в постели" (кн. 5, гл. XLIV).

Ту же боль по несбывшемуся желанию выражает и Мушег Мамиконян: "Но лучше было бы, чтобы эта смерть постигла меня на коне" (кн. 5, гл. XXXV).

Выше уже отмечалось, что кодекс чести армянского воинства существовал задолго до описываемого Павстосом времени (IV в.). В нем, вероятно, происходили определенные изменения, однако главные требования этого кодекса, в частности, - самоотверженная защита Родины, семьи, сюзерена, святых мест, святынь и веры - скорее всего, оставались неизменными.

Армянское воинство и армянское общество

Здесь необходимо хотя бы коротко остановиться на вопросе численности армянского воинства. Ибо только на основе его численности можно составить верное представление о длительности и непрерывности армянских боевых традиций, а также о том, какое влияние имели армянское воинство и передававшаяся из поколения в поколение система его ценностей на умонастроения, психологию и идеологию древнего и средневекового армянского общества.

Обратимся к сведениям из древнейшего периода. Исходя из целого ряда сообщений о войнах, которые вело царство Хайасы в XIII-XIV вв. до н. э. против хеттского государства, можно с уверенностью утверждать, что численность армянского войска была не меньше 10 тысяч, а возможно, и гораздо больше. Существование в Армении современной для своего времени регулярной армии подтверждает хотя бы тот факт, что армянская армия имела боевые колесницы, которые в ограниченном количестве имелись даже в самой могущественной тогда армии Ассирии.

О высоком уровне развития армии Урарту (Арагатского царства) свидетельствует иерархия ее командного состава, появление в ней должностей главнокомандующего, его первого и второго заместителей, командира полка, командира полусотни. Эта иерархия развивалась в последующие века. Армия Урарту, то есть армянского Арагатского царства, вероятно, впервые объединяла все существующие вооруженные силы страны, которые насчитывали по меньшей мере несколько десятков тысяч воинов. Так, одна из сохранившихся надписей сообщает, что в составе урартской армии, совершавшей поход в северном направлении, участвовало 66 боевых колесниц, 4430 всадников и 15760 пехотинцев.

Во времена Ервандуни численность армянской армии была весьма значительной. Так, римский автор I в. до н. э. Квинтос Курциос Рупос сообщает, что в известном сражении под Гавгамелами в 331 г. до н. э. правое крыло союзных сил, возглавляемых персидским царем Дарием III, составляли 40000 пехоты и 7000 всадников армии Великой Армении (которая, кстати, проявила себя блестяще: сражалась до позднего вечера и организованно отступила только тогда, когда стало ясно, что персы в центре и на левом фланге потерпели сокрушительное поражение). О численности сражавшегося на левом фланге войска Малой Армении Рупос ничего не сообщает. Тем не менее очевидно, что это 47000-е войско не представляло всех вооруженных сил Великой Армении, так как Гавгамелы находились довольно далеко от границ Армении и по меньшей мере такое же количество войска должно было оставаться в стране, прежде всего для обеспечения безопасности неизменно беспокойных северных и северо-восточных границ. В пользу подобного вывода говорит и сообщение Ксенофонта о том, что лишь половина армянских войск была послана в общеарийскую армию.

Знаменательно, что в IX (или VII) в. до н. э. быстро перемещавшаяся часть (по современной терминологии, "экспедиционный корпус") армии царя Арама (Араме) также состояла, как сообщает Хоренаци, "приблизительно из 50 тысяч" воинов. И опять же в эти 50000 не должны были входить крепостные и пограничные гарнизоны или хотя бы часть их, которые не покидали постоянных мест дислокации. Интересно, что численность этого

корпуса совпадает с общей численностью конницы Тиграна Великого, которая, согласно Плутарху, насчитывала 55000 всадников (17000 из которых были одеты в броню). Согласно Хоренаци, в дальнейшем, укрепив безопасность страны, Арам к уже имевшемуся войску (то есть к 50000) добавляет еще 40000 пехоты и 2000 конницы и этой объединенной 92000-й армией выступает в поход на запад -- в Кесарию.

Исключительно высокое качество армянских вооруженных сил и их постоянную боеготовность подтверждает уже тот единственный факт, что почти половина армянской армии (очень высокий процент даже для армий современных развитых стран) была способна при необходимости совершать дальние и стремительные походы вне границ Армении, хотя и, как мы знаем из приведенного выше сообщения Павстоса, это было вовсе не по душе армянскому воину.

Таким образом, во 2-м и 1-м тысячелетиях до н. э., во времена царств Хайасы, Урарту и Ервандуни, численность армянского воинства достигала нескольких десятков тысяч, а во времена царств Арташесянов, Аршакуни и Багратуни, согласно достоверным историческим сведениям, численность армянской регулярной армии колебалась от 100000 до 120000 воинов. Численность армии армянского Киликийского царства во время войн превышала 60000 воинов.

Эти данные позволяют утверждать, что в древнейшие, древние и средневековые времена место, роль и значение армянского воинства в армянском обществе были самыми важными и центральными. Следовательно, кодекс чести армянского воинства, со всеми его идейно-морально-психологическими ценностями, на протяжении веков, передаваясь и изучаясь из поколения в поколение, наложил непреходящую печать на национальный характер, психологию и мировосприятие армянского народа.

Исключительную боеспособность армян заметили и зафиксировали многие иностранные авторы. Приведем только два примера. Согласно сообщению византийского историографа VI века Прокопия Кесарийского, до 474 г. римские императоры "при отборе своих телохранителей учитывали достоинства людей и отдавали предпочтение армянам".

Другой византийский историограф, рассказывая о служившем в 1-й половине IX века в византийской армии армянском военачальнике по имени Мануил, пишет: "Мануил был очень храбрым человеком, хорошо известным всем противникам, так как он был по рождению армянином". Таким образом выясняется, что в Византии понятия "армянин" и "храбрый" были синонимами.

Кодексы воинской чести - явление, присущее не только далекому прошлому. Кадетские и офицерские училища современных развитых государств при идеологической и морально-психологической подготовке своих воспитанников непременно используют специально разработанные кодексы чести.

Необходимо, чтобы и мы, наследники богатых и самобытных традиций национального армянского военно-патриотического воспитания, разработали кодекс чести современного армянского воина, который должен лечь в основу идейного и морально-психологического воспитания вначале студентов Военного института Министерства обороны, а затем и всей армянской армии.

Патриотическое и гражданское воспитание - одно из главных средств сплочения армянского общества, тем самым - укрепления национальной безопасности Армении. Армянская армия, как и века назад, призвана стать кузницей поколений, безостаточно преданных Родине.